

Юрий ЕРГИН,
лауреат премии имени Шагита Худайбердина

Подлинные документы из следственного «дела № 11753» Хадии Давлетшиной

Творческое наследие башкирской писательницы Хадии Давлетшиной всем хорошо известно. До ареста в 1937 году и осуждения Особым совещанием при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 14 сентября 1938 года, постановившем заключить её «*как члена семьи изменника Родины в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет, считая его со дня ареста*», это всего две повести («Пламенные годы», «Айбика») и два десятка рассказов и очерков, появившихся в республиканской печати в 1926—1936-х годах. Первый рассказ Хадии Давлетшиной «Пионерка Халыукай» был опубликован в 1926 году на башкирском языке в общественно-политической газете «Молодежь Башкортостана». Повесть «Айбика», вышедшая на башкирском языке в 1931 году в журнале «Октябрь», а затем при содействии Максима Горького увидевшая свет на русском языке в 1936 году, сразу же вывела молодую писательницу на всесоюзного читателя. В 1934 году её избрали делегатом I съезда писателей СССР, а в 1936 году студентка факультета языка и литературы Башкирского государственного педагогического института Хадия Давлетшина приняла участие в работе III пленума Союза писателей СССР, проходившего в Минске.

*Хадия Давлетшина (в центре) среди студентов факультета языка и литературы БГПИ им. К.А.Тимирязева. 1 июля 1936 г.
Фото из Музея Хадии Давлетшиной (Бирский филиал БашГУ)*

Однако вершиной её творчества, безусловно, стал роман «Иргиз», в основу которого был положен отрывок из небольшой повести «Пламенные годы» (1932), завершённый Хадией Давлетшиной в виде романа в 1953—1954 годах в результате напряженной работы в тяжелейших условиях послелагерной жизни и увидевший свет лишь в 1957 году (в русском переводе в 1961). В 1967 году, спустя десять лет после первого издания романа «Иргиз», она была посмертно удостоена Республиканской премии имени Салавата Юлаева [1, 2].

В конце 1930-х годов судьба Хадии Давлетшиной фактически была предопределена тем, что её муж Губай Давлетшин, директор БГПИ им. К.А.Тимирязева (1935), нарком просвещения БАССР (1935—1937), не мог не оказаться на самом пике второй волны политических репрессий 1937—1938 годов. Сталинский тезис об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму, прозвучавший на февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б), открыл в стране простор для произвола и беззакония, а в национальных республиках обернулся прежде всего репрессиями против носителей «местного буржуазного национализма». Так было и в Башкирской АССР: хотя репрессивная политика проявлялась здесь и раньше, но никогда она не носила столь массового характера, как в 1937—1938 годах.

22 августа 1937 года вопрос «О положении в Пединституте» стал предметом специального обсуждения на Бюро Башкирского обкома ВКП(б). Руководство БГПИ было обвинено в том, что оно «не обеспечило проведение ленинско-сталинской национальной политики, не выполнило решение Обкома о подготовке национальных кадров, не сумело организовать надлежащий отпор тенденциям к велико-державному шовинизму и местному национализму» [3]. В протоколе этого совещания говорилось: «За необеспечение большевистского проведения в жизнь национальной политики партии и за неизжитие бюрократизма в работе директора Пединститута т. Мендельсона с работы снять». Новая дирекция Пединститута нацеливалась на очистку от политически неблагонадежных преподавателей и обеспечение вузом в 1937/1938 учебном году числа студентов-башкир не менее 40%. В сентябре-октябре 1937 года должность директора БГПИ исполнял назначенный Обкомом М.Я.Янгиров, сдавший с 11 ноября того же года свои обязанности бывшему заместителю директора БГПИ А.А.Еникееву; с 12 декабря 1937 года директором института стал С.С.Зайнашев, руководивший вузом до 22 августа 1944 года [4].

В это время сам Башкирский обком ВКП(б) стал предметом серьезного разбирательства со стороны Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). М.М.Сахьянова, член Комитета партийного контроля, возглавившая проверку деятельности Башкирского обкома партии, уже 29 августа 1937 года отправила в адрес И.В.Сталина и наркома внутренних дел Н.И.Ежова, который в то время был и председателем Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б), большую докладную записку, в которой, в частности, говорилось: «Проверка установила, Башкирский обком ВКП(б) получал немало сигналов о враждебной деятельности и чуждом прошлым многих ныне разоблаченных врагов со стороны отдельных партийцев, а иногда и целых организаций, но эти сигналы замазывались, и враги оставались неразоблаченными. Мало того, Бюро Обкома и его секретари, зная о враждебном прошлом

многих националистов — валидовцев и троцкистов, оказывали им политическое доверие, выдвигали их и тем самым засоряли руководящие, партийные, советские и хозяйственные органы республики».

Полный разгром областной партийной организации произошел на III Пленуме Башкирского Обкома ВКП(б), прошедшем 4—6 октября 1937 года, которым лично руководил приехавший в Уфу секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов. В заключительном слове он так оценил решение Пленума, в ходе которого прямо на Пленуме были исключены «как враги народа» все секретари Башкирского Обкома ВКП(б) и свыше 20 других ответственных партийных и советских работников: «Нанесен удар в самый контрреволюционный центр в Башкирии. Столбы подрублены, заборы повалятся легче. Ясно, Башкирия — не оазис, а место классовой борьбы. Скорее забыть проклятые фамилии, Осиновый кол на их могилах». 20 октября 1937

года состоялась сессия БашЦИКа, где из 156 членов 47 были выведены из его состава как «враги народа», «за связь с врагами народа» и «за притупление классовой бдительности».

Нарком просвещения Башкирской АССР Г.К.Давлетшин, муж Хадии Давлетшиной, был арестован 30 августа 1937 года, то есть фактически уже за месяц до начала работы III Пленума Башкирского обкома партии. В Постановлении об избрании меры пресечения Губай Давлетшин был обвинен в преступлениях, предусмотренных 58 статьей (пункт 11) Уголовного Кодекса РСФСР («всякого рода организационная деятельность, направленная к совершению полити-

Дело по обвинению Х.Л.Давлетшиной

АРХИВНЫЙ
№ _____

С. С. С. Р.

Н. К. В. Д.

БАШКИРСКОЙ А. С. С. Р.

ДЕЛО № 11753

*По обвинению гражданки
Давлетшиной Хадии
Казим Султановны
по ст. 58-12 УК РСФСР*

ЗАИЩЕНО

609223

ТОМ № 1

Печатно 20-го ноября 1937 г.
Временный ФО: 566
Окончено 1-го декабря 1937 г.

АРХИВНЫЙ
№ 1464

КОЛИЧЕСТВО ТОМОВ 1

г. Уфа, ул. им. Давлеканова, вк. № 104

ческих преступлений»), а через 10 месяцев выездной Сессией Верховного Суда СССР, состоявшейся в Уфе 10 июля 1938 года, осужден к высшей мере наказания уже по четырем пунктам этой «расстрельной» 58-ой статьи: к моменту приведения приговора к исполнению Г.К. Давлетшину было всего 45 лет.

А теперь вернемся к Хадие Давлетшиной, судьба которой фактически уже за месяц до ареста её мужа была predeterminedена Политбюро ЦК ВКП(б), которое своим строго секретным Постановлением от 5 июля 1937 года вписало между строк Уголовного Кодекса РСФСР всего лишь одну новую строку — «ЧСИР» (член семьи изменника Родины). За этим 15 августа того же года последовал приказ №00486 НКВД СССР, подробно регламентировавший все детали процедуры ареста, оформления «дела» и отправки в трудовые лагеря «жен изменников Родины».

В архиве УФСБ России по РБ сохранился подлинник Заявления студентки 3-го курса факультета языка и литературы Башгоспединститута Х.Л. Давлетшиной народному комиссару внутренних дел БАССР майору С.А. Баку, занимавшему эту должность с 1 апреля по 1 октября 1937 года. С сохранением стиля изложения приведем лишь начало и конец этого Заявления, датированного 9 сентября 1937 года:

«Настоящим сообщаю Вам о своем положении. Как Вам известно, мой муж Давлетшин содержится под заключением. В связи с этим, мое положение в Педвузе становится критическим. Вчера после занятий (9.IX) директор Института тов. Янгиров вызвал меня в свой кабинет и спрашивает: «Как с Давлетшиным?» Я ответила: «Он заключен с 30 августа». Он: «Почему заключен?» Я: «Не знаю, почему. Мне ничего не говорили, хотя я 2 раза позвонила к его следователю, говорит, что «Пока выясняется».

...Вечером того же числа состоялось общее собрание студентов Педвуза, где были 2 доклада тов. директора и тов. Зайнашева из Башобкома Партии, в связи с Постановлением обкома о Педвузе. Тов. Янгиров в своем докладе, говоря о выкорчевывании враждебных элементов из института, упомянул и мою фамилию. Он выразился так: «Враги народа оставили у нас своих близких — жен и детей. Они до сих пор находятся в стенах нашего института, благодаря нашей небдительности и т.д. Потом говорил о нашем разговоре: «Я сегодня спрашивал жену одного такого врага народа: «Почему арестовали мужа?» Она ответила: «Не знаю почему, вины нет». Я не знаю, почему нужно было добавить тов. директору эти последние 2 слова, которых я не говорила. Это он сам выдумал для своего вывода. «Это, — говорит, — агитация». Я так не сказала и не могла сказать, поскольку мне о нем ничего неизвестно. Я не знаю, почему тов. директор не понимает о том, что органы НКВД не всегда и не каждому дают справки о своих заключенных.

...Вот теперь передо мной встал вопрос: как мне быть? Могу ли я оставаться в стенах Института и продолжать свою учебу или я лишаюсь права на образование и права на труд по творчеству?

Прошу НКВД выяснить мое положение в данное и будущее время».

10.IX.37 г.

Давлетшина Х.Л.

НКВД
пов. Баку.

Студентки Педвуза, французского языка и литературы, III^{го} курса Давлетшиной Х.Л.

Заявление.

Настоящим сообщая Я Вам о своем подомении.

Как Вам известно, мой муж Давлетшин находится у вас под заключением. В связи с этим мое положение в Педвузе становится критическим.

Вчера я еще занятая (9/IX) директор института гов. Института вызвал меня в свой кабинет и спрашивает: «Как с Давлетшиным?». Я ответила: «Он заключен с 30 августа». Он: «Почему заключен?». Я: «Не знаю точно. Мне ничего не говорим, хотя я 2 раза возволила к его словобателю, говорю, что «тома свидетелю». Потом он снова повторил свой вопрос к все таки, поашу его арестован. Я повторила свой ответ и вкраще рассказавши о том что

Подлинник Заявления майору НКВД БАССР С.А.Баку от Х.Л.Давлетшиной

Ответ на свое «Заявление» наркому внутренних дел БАССР Хадия Давлетшина не получила, поскольку с 1 октября 1937 года, то есть за несколько дней до открывшегося в Уфе III Пленума Башкирского обкома партии, пошли последовательно понижения в должности самого майора госбезопасности Соломона Аркадьевича Бака: до 20 марта 1938 года — он заместитель наркома внутренних дел Бурято-Монгольской АССР, затем до своего ареста 16 октября 1938 года — начальник 3-го отдела Волжского отделения Исправительно-трудовых лагерей НКВД. 19 января 1940 года С.А.Бак как участник «террористической организации» был приговорен к ВМН, а через два дня расстрелян, причем посмертно он реабилитирован не был [8].

В Описи «Дела №11753 по обвинению гражданки Давлетшиной Хадии Лутфуловны по ст. 58—12 УК РСФСР», хранящегося в архиве УФСБ России по Республике Башкортостан, начатом 20 ноября 1937 года и оконченным 2 декабря 1937 года, первоначально содержалось всего 11 документов:

1. **Справка на арест**, выданная 20.10.1937 г. (Хадия Давлетшина, 32 года, домохозяйка, проживает в Уфе по адресу: ул. Кирова, дом 5, кв.8);

2. **Постановление об избрании меры пресечения**, датированное 19.11.1937 г., утвержденное прокурором БАССР 20.11.1937 г., обличающее Х.Л.Давлетшину в том, что «она совершила преступление, попадающее под статью 58—12 УК РСФСР и с целью уклонения от суда и следствия должна содержаться под стражей в Уфимской тюрьме»;

3. **Ордер на арест**, выданный 20.10.1937 г.;
4. **Протокол обыска и ареста** (20.10.1937 г.);
5. **Опись имущества** (20.10.1937 г.);
6. **Акт сдачи имущества** (20.10.1937 г.);
7. **Расписка о сдаче арестованного в Уфимскую тюрьму** (20.10.1937 г.);
8. **Анкета арестованного**, заполненная 23.11.1937 г. (*дата рождения — 10 марта 1905 г., профессия — писательница, студентка Пединститута, беспартийная, башкирка, образование — среднее, состав семьи — муж Давлетшин Губай Киреевич, арестован органами НКВД; мать — Ильясова Гульязгар, 1882 года рождения*);
9. **Постановление о предъявлении обвинения** от 23.11.1937 г.;
10. **Протоколы допроса обвиняемого**;
11. **Обвинительное заключение по делу № 11753** по обвинению гр. Давлетшиной Х.Л. по статье 58—12 УК РСФСР, утвержденное 22 июля 1938 года пом. наркома ВД БАССР, направленное в Москву на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР;

20 апреля 1953 года Опись дела № 11753 была дополнена ещё 4 документами:

12. **Выписка из протокола Особого совещания** при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 14 сентября 1938 года;
13. **Заключение** помощника прокурора БАССР по спецделам (от 18.10.40 г.) об отказе Х.Л.Давлетшиной о пересмотре дела ее мужа: «...*за отсутствием поводов к принесению по делу Г.К.Давлетшина протестов жалобу Давлетшиной Х.Л. оставить без удовлетворения, о чем ей сообщить*»;
14. **Заявление Х.Л.Давлетшиной** на имя Наркома внутренних дел СССР Л.П.Берия (от 12.12.39 г.);
15. **Постановление Секретариата Особого Совещания при НКВД СССР** от 29.06.1941 г. об отказе пересмотреть Следственное дело Хадии Давлетшиной (оно получило в Москве другой номер — 60223).

Пользуясь этими документами, восстановим хронику основных событий в жизни Хадии Давлетшиной, начиная со дня её исключения из института до закрытия Следственного дела № 11753 в декабре 1937 года.

15 октября 1937 года студентку 3 курса факультета языка и литературы Педвуза Хадью Давлетшину исключили из института. Её обращение в Башсовнарком как члена Ленинского райсовета города Уфы осталось без ответа: после только что состоявшегося III Пленума Башкирского обкома партии в числе «разоблаченных и разгромленных врагов народа», исключенных из партии и арестованных органами НКВД, оказался и З.Г.Булашев, председатель Совнаркома Баш АССР.

Даже будучи исключенной из института, Хадия Давлетшина не бросила общественную работу. 20 октября 1937 года, возвращаясь после отчета перед комиссией о результатах проведенной поквартирной проработки с жителями своего района «Положения о выборах в Верховный Совет», на пороге своего дома она встретила людей из НКВД: предъявили ордер на арест, произвели обыск квартиры, составили опись имущества, а арестованную препроводили в Уфимскую тюрьму.

Допрашивалась Хадия Давлетшина всего два раза. На первом допросе, состоявшемся 23 ноября 1937 года, ей было предложено назвать всех родственников (*брат Лутфуллин Гатаулла, 40 лет, проживает в деревне Узяново Баймакского района, работает в совхозе заведующим складом*), её знакомых и знакомых арестованного мужа (*Давлетшин Габбас Ягофарович, доцент Педвуза, арестованный органами НКВД; писатель Юлтыев Даут и Калимуллин Тухват; домохозяйка Мустафина Газиза*); фамилии посещавших квартиру мужа (*Ханиф Наумов — начальник политотдела Куюргазинского мясовхоза; писатели Башар Хасанов, Даут Юлтыев, Тухват Калимуллин; языковед Габбас Давлетшин и домохозяйка Газиза Мустафина*). На вопрос, знала ли Хадия Давлетшина о контрреволюционной деятельности мужа, был дан ответ: *«о контрреволюционной деятельности мужа ничего сказать не могу»*.

На повторном допросе Хадие Давлетшиной после вопроса о том, когда она вышла замуж и сколько лет прожила с мужем, снова было предложено дать правдивые показания о его контрреволюционной деятельности, в частности, не вступал ли он в какие-либо контрреволюционные разговоры с теми, кто посещал квартиру, на что Хадия Давлетшина дала короткий ответ: *«при мне он никогда на контрреволюционные темы не выступал, больше показать ничего не могу»*.

В Постановлении о предъявлении обвинения, объявленном Хадие Давлетшиной 29 ноября 1937 года, говорилось о том, что рассмотрев следственные материалы дела № 11753 и приняв во внимание, что *«Давлетшина Хадия Лутфуловна, 1905 г.рожд., уроженка д.Хасаново Куйбышевской обл, гр-ка СССР, башкирка, ранее не судима, б/парт., грамотная, студентка Башпединститута, проживала г. Уфа, Кирова, № 5»*, достаточно изобличается в том, что *«является женой врага народа, ныне арестованного органами НКВД БАССР — как активного участника к/р повстанческой организации Давлетшина Губайдуллы, зная о к/р деятельности своего мужа, не донесла об этом в соответствующие государственные органы»*. Далее говорилось о привлечении её в качестве обвиняемой по статье 58 — 12 Уголовного Кодекса РСФСР с оставлением ранее избранной меры пресечения: *«содержание под стражей в Уфимской тюрьме по 2-ой категории»*.

За всеми этими быстроразвивающимися событиями последовало 7-месячное пребывание Хадии Давлетшиной в Уфимской тюрьме без какого-либо определенного окончательного приговора, вынесенного вышестоящими судебными инстанциями. Это было связано с тем, что её муж, бывший нарком просвещения БАССР Губайдулла Киреевич Давлетшин, официально был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного несколькими статьями УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания, расстрелу, лишь в первый день работы выездной сессии Верховного Суда СССР, состоявшейся в Уфе 10 — 16 июля 1938 года.

На самом деле судьба Г.К.Давлетшина была фактически predeterminedена за полгода до этого события. В 2002 году были рассекречены и стали доступны для исследователей так называемые «Сталинские расстрельные списки»: документы

из Архива Президента Российской Федерации, содержащие досудебные списки лиц, подлежащих осуждению Военной Коллегией Верховного Суда СССР к разным мерам наказания (преимущественно к расстрелу), утвержденные лично вождем и его ближайшими соратниками по Политбюро ЦК ВКП(б).

Фамилия Г.К.Давлетшина в «Расстрельном списке по Башкирской АССР», завизированном Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым еще 3 января 1938 года, находилась среди 135 фамилий тех, кто заранее был обречен к осуждению «по 1-ой категории» (что означало расстрел) под №36 [9].

Только 22 июля 1938 года, то есть через 12 дней после расстрела Г.К.Давлетшина в Уфе, обвинительное заключение по делу №11753 по обвинению Давлетшиной Хадии Лутфулловны по статье 58—12 УК РСФСР, утвержденное помощником наркома внутренних дел БАССР, было направлено в Москву для рассмотрения Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР, которое 14 сентября 1938 года вынесло постановление: «Давлетшину Хадью Лутфулловну как члена семьи изменника Родины заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, сч. срок с 20/XI.37. Дело сдать в архив».

Сохранилась выписка от 11 ноября 1938 года из документа, выданная 1-м спецотделом НКВД БАССР, согласно которой осужденная Х.Л.Давлетшина «первым отходящим этапом направлена в город Потьма в распоряжение Управления Темниковского исправительно-трудового лагеря НКВД для отбывания наказания в спецотделении лагеря».

Постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, осудившее систему ежовских методов работы, приведших к огромному числу необоснованных арестов и казней, развязало руки новому наркому внутренних дел СССР

Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА	
Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР	
от 11-го сентября 1938 г.	
СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
219. Дело № 11753, БАССР о ДАВЛЕТШИННОЙ Хадии Лутфулловне, 1905 г.р.	ДАВЛЕТШИНУ Хадью Лутфулловну как члена семьи изменника Родины заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на Пять лет, сч. срок с 20/XI-37 г. Дело сдать в архив.
Выписка назрвалась 280х Дел. № 11753 Отм.: секретариат Особого совещания	И. Шаширов

Ф. км. Вожевского, Н. 12018

В-с р о ч н о

SSSR - СССР
 ESKE EŞTƏR XALIQ KOMISSARİYATI
 Başqortostan ASSJ.

11753

Нач. тюрьмы № 1 ОМЗ НКВД БАССР
 гор. У ф а
 1-й спецотдел НКВД СССР - г. Москва
 на № 10-48499

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
 ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
 Башкирской АССР

Копия: Нач. Отдела по Спец. Дела
 Зам. Прокурора БАССР - гор. У ф а

1-й спец. отдел
 октября 1938 г.
 № 2/11753
 г. Уфа

Препровождается выписка из постановления Особого Сове-
 щания при НКВД СССР от 16/10-1938 г. на осуж-
 денного в ИТЛagerь сроком на 5 лет. ДАВЛЕТШИНОЙ
 Хадию Лутфуловну,

котор. УЮ надлежит с первым отходящим этапом направить в гор. ПОТЬМА,
 в распоряжение Упр. ТАМНИКОВСКОГО ИТЛagerя НКВД, для отбывания наказа-
 ния в спецотделении лагеря.
 Об этапировании сообщите в 8 Отд. УГБ НКВД БАССР не позднее следующего дня после
 этапа.

ПРИЛОЖЕНИЕ: В ы п и с к и.

И.Д. Нач. 8 Отд. УГБ НКВД БАССР
 Бермант Гессеволасты
 Ст. Инспектор 8 Отд.
 И.Д. лейтенант Гессеволасты

/Девченко/
 /Додеко/

Выписка из постановления об этапировании Х.Л.Давлетшиной в г. Потьма

Л.П.Берия. Уже в первые месяцы его работы на этой должности началась так называемая «бериевская оттепель»: были уничтожены печально знаменитые «тройки», сильно ограничены права Особого Совещания при НКВД СССР, начала восстанавливаться видимость работающей судебной системы. На фоне ежовского кровавого беспредела, ситуация, сложившаяся при Берия, выглядела едва ли не апофеозом правосудия: деятельность нового наркома внутренних дел была связана с начавшимися реабилитациями ранее осужденных, прекращением незаконченных дел и возвращением из ГУЛАГА десятков, если не тысяч осужденных.

Именно с этими обстоятельствами, по-видимому, связано появление Заявления Хадии Давлетшиной Наркому внутренних дел СССР Л.П.Берия, направленное из ГУЛАГА в декабре 1939 года. Поскольку, фактически, это единственная из сохранившихся автобиографий Хадии Давлетшиной, к тому же подлинник, написанный её рукой, приведем документ полностью, сохранив стиль его изложения.

*Наркому НКВД СССР
 Берия Л.П.*

*От з/к Давлетшиной Хадии Лутфуловны
 1905 г. рожд. Темлаг НКВД сроком
 на 5 лет. Явас., Морд.АССР,
 почт.ящ. № 241/Д*

Заявление

Я арестована 20/XI — 1937 г. в г. Уфе, ул. Кирова, д.5, кв.8. Постановлением Особого совещания от 14/IX-38 г. заключена в Испр-Труд. лагерь НКВД, как член семьи изменника Родины, сроком на 5 лет. С 1938 г. (с 23/XII) нахожусь в Темлаге и работаю в вышивальном производстве.

Родилась в 1905 г. в дер. Хасаново, Больше-Черниговского района Куйбышевской области. Дед мулла, умер в 1916 г. Отец крестьянин-бедняк, умер в 1919 г. от тифа. Я осталась с абсолютно глухой и неграмотной матерью, у которой кроме меня были трое малолетних детей. Я, старшая, к этому времени успевшая окончить I-ую ступень с/школы, обязана была стать главой семьи и кормилицей ее. В 1920 г. по совету учителей-коммунистов я поступила работать учительницей в дер. Дингизбаево. Голод 1921 г. и озверелые остатки белых бандитов в нашем крае не давали спокойно продолжать работу в школах. В конце 1921 г. я уехала в г. Куйбышев, где поступила в Тат.-Баш. педтехникум и в начале 1922 г. вышла замуж за Давлетишина Губайдуллу Киреевича, который работал тогда в Губкоме партии. Переводы мужа на работу в ЦК ВКП(б) в Москву весной 1922 г., в Уфу осенью 1923 г., рождение ребенка не дали мне возможность продолжать учебу в техникуме. В 1924 г. поступила в Уфимский рабфак, но к весне 1925 г. я сильно заболела туберкулезом легких и прекратила учебу. В 1926—27 гг. работала в дет. доме им. Худайбердина, который тоже пришлось оставить с обострением болезни легких.

После всех таких неудачных попыток регулярно учиться и работать я решила работать над собой самостоятельно, особенно в овладении русским языком, с которым совершенно не была знакома до 1922 г. В течение нескольких лет такой работы я сумела довольно хорошо изучить его и познакомиться с русской литературой, начиная с классиков и кончая советскими писателями. В 1926 г. первый раз написала маленький рассказик под названием «Пионерка-Хлукай», его напечатали в комс. газете Башкирии. В 1930 г. я, глубоко взволнованная коллективизацией крестьянства, написала рассказ под названием «Айбикэ», где старалась показать победу колхозов, ликвидацию кулачества как класса и роль советской власти в освобождении угнетенной женщины-башкирки, которая стала коммунисткой и председателем колхоза. Я продолжала писать и печататься, иногда с переводами на русский язык, по 1937 г. За эти годы я написала рассказы — «Партизан», «Волны колосьев», «Хырга Хабаге» (о зажит. колхозе); стихи «Октябрь», «На память большому человеку» (о смерти Кирова С.М.), «Ударницам 8-го марта»; очерки — «Воспоминания о Горьком», «Кукушка», «Птица счастья» (о Сталинской Конституции) и т.д. С 1933 по 1935 г. работала литсотрудницей политотдельской газеты «Зерновая Фабрика» з/с им. X-летия БАССР.

Занимаясь литературным трудом, я чувствовала, что у меня ещё очень много не хватает в знании общественных наук. Для дополнения этого большого пробела я в 1935 г. поступила в Литератур. Факультет Пед. Института г. Уфы. Окончила 2 курса с оценками на «отлично». В

1936 г. меня выбрали депутатом в Советы, членом ленинского райсовета и делегатом на X Съезд Советов Баш АССР.

Эти последние годы были самыми лучшими годами моей жизни. Я старалась отдавать всю свою силу получить знания, овладеть теорией марксизма-ленинизма, оправдать звание советской писательницы и депутата Советов, была искренне и глубоко благодарна советской власти, которая сделала из меня человека. К XX летию Октября я готовила роман под названием «Пламенные годы», где старалась вскрыть сущность классовой борьбы между баями, муллами и беднотой башкирской деревни, которую освободил только Октябрь. Была у меня священная мечта о том, что когда-нибудь одна из моих книг дойдет до Кремля — до И.В.Сталина и он поддержит ее в руках, улыбаясь с одобрением.

Но все это оборвалось неожиданно и все пошло кувырком...

30/VIII-1937 г. арестовали мужа, 15/IX исключили меня из института (с III курса). Я продолжала работать в обществ. работе, как член райсовета, помогая в организации кружков по изучению «Положения о выборах в Верх. Совет» на квартирах. 20/XI-1937 г., возвращаясь после отчета перед комиссией, где одобрили мою работу, я встретила людей из НКВД, которые пришли арестовать меня.

Мои заявления, которые я подавала в НКВД БАССР от 10/IX-37 г., в Башсовнарком от 25/X-1937 г., и снова в НКВД от июля 1938 г., остались без ответов.

С мужем я жила с 1922 по 1937 год. В течение такого долгого времени совместной жизни я знала его как партийного с 1917 г. большевика, который непрерывно работал на ответ. постах партийной и советской работы. Никогда я не вмешивалась в его партийные дела и никогда не подозревала, что он — батрак с детства, участник гражданской войны в качестве командира коммунистических отрядов против белых банд, член партии, может стать к-р деятелем, изменником Родины. Я и до сих пор не знаю, в чем именно проявлялась его такая деятельность. Если это и в действительности является фактом, если он действительно оказался подлым врагом народа, то пусть его карает советское правосудие. Я не хочу и не считаю себя обязанной отвечать за его поступки.

23/XII—1939 г. будет год, как я нахожусь в лагерях. В течение этого времени, борясь с частыми обострениями туберкулеза легких, работаю в вышивальном цехе ударницей, стахановкой. Эта работа дает мне некоторые успокоение совести перед государством, но не дает такого удовлетворения, которое бы я имела на свободе от более полезной своей работы.

Прошу вернуть мне свободу, дать возможность отдать всю остальную силу и жизнь в пользу моей Родины, отдать делу революции, делу Ленина-Сталина.

12/XII—1939 г.

Давлетшина Х.Л.

Это заявление Хадии Давлетшиной, написанное в декабре 1939 года на имя наркома дел СССР Л.П.Берия, дошло до разбирательства в его ведомстве только тогда, когда уже началась Великая Отечественная война. Сохранилось

Совета БАСССР констатировалось, что в деле нет данных об осведомленности и сокрытии от властей Давлетшиной Х.Л. фактов о вражеской деятельности её мужа Давлетшина Г.К. Поэтому Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 14 сентября 1938 года было отменено и дело в отношении Давлетшиной Х.Л. на основании ст.4 и 5 УПК РСФСР производством прекращено.

Первым творчество Хадии Давлетшиной изучил Марат Мингажетдинов, опубликовавший в 1966 году на башкирском языке монографию о ее жизни и творчестве [10].

Для восстановления доброго имени Хадии Давлетшиной много сделал башкирский писатель Газим Шафиков, опубликовавший о ней очерк «Дочь Иргиза», вошедший в книгу «И совесть, и жертвы эпохи» [11], а также эссе «Виновной себя не признала...», помещенное в сборник «Крючья под ребро» [12]. Не умоляя заслуги писателя в этом благородном деле, следует, справедливости ради, заметить, что в очерке длинные диалоги разговоров Хадии Давлетшиной с директором Педвуза являются лишь художественным вымыслом. В очерке нашли отражение и записи из подлинных документов, которые, надо признаться, в некоторых случаях привели к искажению их смысла. Например, приговор, якобы вынесенный Хадие Давлетшиной в Уфе «сержантом госбезопасности» уже через 10 дней после её ареста. Это утверждение, не соответствующее цитируемой части документа совсем другого содержания, к сожалению, противоречит подлинному, очень важному документу из Следственного дела №11753 — выписке из Протокола Особого Совещания при НКВД СССР от 14 сентября 1938 года о заключении Хадии Давлетшиной «как члена семьи изменника Родины в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет».

Литература

1. Хадия Давлетшина. Жизнь и творчество. / Сост. Г.Н.Каскинова. — Уфа: Китап. 2010.
2. Писатели земли башкирской. Справочник. / Сост. Р.Н.Баимов, Г.Н.Гареева, Р.Х.Тимирова. — Уфа: Китап. 2000, с.124—125.
3. ЦА 00 РБ. Фонд Р-122. Оп.17, дело 91, л.л.2-5.
4. *Ергин Ю.В.* У истоков университетского образования: Очерки о предыстории Башкирского государственного университета. / Ред. М.Х.Харрасов. 2 изд., доп. — Уфа: 2009, с.178—181.
5. *Ергин Ю.В.* Он хотел умереть большевиком, но был объявлен врагом народа и расстрелян. // Бельские просторы. 2005. №1, с.142—155.
6. *Ергин Ю.В.* Г.К.Давлетшин — нарком просвещения БАСССР в 1935—1937 годах. [Текст] // Ю.В.Ергин. Портреты: деятели народного образования Башкирии. — Уфа: Гилем: 2008, с.124—152.
7. *Ергин Ю.В.* Расстрелянный нарком (к 115-летию Г.К.Давлетшина). // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. №6, с.140—152.
8. *Петров Н.В., Скерин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934—1941. Справочник. / Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. — М.: Звенья, 1999. С.97.
9. Архив Президента Российской Федерации. Оп.24, дело 414, л.297—299.
10. *Мингажетдинов М.Н.* Хадия Давлетшина. Жизнь и творчество. — Уфа: Башк. кн.изд. 1966 (на башк.яз.).
11. *Шафиков Г.Г.* Дочь Иргиза (Х.Давлетшина). [Текст] / Г.Г.Шафиков. И совесть, и жертвы эпохи. — Уфа: Башк.кн.изд. 1991, с.53—117.
12. *Шафиков Г.Г.* Виновной себя не признала... (дело Хадии Давлетшиной). [Текст]. / Г.Г.Шафиков. Крючья под ребро. — Уфа: Китап. 1993, с.377—391.